

Политическая и потребительская идентичности.

Либерман Самсон Александрович

Студент (специалист)

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

E-mail: tupitsa@list.ru

На протяжении последних двух лет в России прослеживается явная тенденция к смене господствующей идеологии. Идеология потребления, стабильности, в которой мы успешно жили и работали последние 10-12 лет уходит, но что приходит ей на смену? Главным критерием этого слома, критерием по которому мы можем отделить идеологию потребления от нынешней - это степень политической ангажированности. Еще лет семь назад отношение к политике было тотально индифферентным, сегодня мы наблюдаем совершенно иную картину. Главная точка самоопределения и самоактуализации сегодняшнего человека - это политическая позиция, которая является главной в круге его идентичностей. Главное не то, сколько ты зарабатываешь, а то, что думаешь по поводу выборов-выборов, Крыма, Украины и падения рубля.

Существует серьёзное различие между потребительской идентичностью и политической идентичностью. Потребительская идентичность - суть отношение и позиция к потребляемому товару, политическая же - отношение и позиция к миру. Политическая идентичность представляет собой мироотношение, а значит, предлагает выход на уровень всеобщего, предельного. Иначе говоря, политическая идентичность предполагает метафизическое измерение сознания, сознания на уровне всеобщего, а значит, дает мне основания к действию. Исходя из потребительской позиции, из предпочтения того или иного бренда, той или иной ценовой категории, я не пойду ни на Болотную площадь, ни на Манежную, ни на Майдан. И тем более я не поеду устраивать-перестраивать мир на Украине, в Афганистане, Сирии или где бы то не было еще.

Здесь мы и имеем основное противоречие современной ситуации. Дело в том, что эта политическая идентичность распространяется или формируется, проходя по тем же каналам и функционирует по тем же законам что и фетиш товара в идеологии потребления. Та или иная политическая идентичность дается нам извне, она не является результатом нашего осознанного выбора. Политическое действие, получаемое как результат реализации такой политической идентичности, не есть реализация моей свободы, но совсем наоборот. И этим она сильно отличается от классического нововременного политического сознания: она не классовая, но массовая. Проще говоря, она является искусственным идеологическим конструктом, полученным извне, а не естественно сформировавшимся сознанием в определенных исторических условиях.

Такая форма сознания, массовое но идеологическое сознание, появляется вместе с его носителем массовым человеком в начале XX века, форме сознания соответствует форма социальности. Массовый человек появляется как следствие развития массового производства. Если на заре классического капитализма человек оказывался вынужденным производить усилие над собой, чтобы встроиться в быстро меняющийся мир и тем самым снова менять его, то на его закате происходит обратная ситуация.

Массовое производство - суть производство копий по образцам, это позволяет небольшому количеству людей обеспечивать всем необходимым для жизни гораздо большее количество, в результате чего это самое гораздо большее количество людей оказывается выключенным из непосредственного процесса производства. Однако это еще полбеды. Человек оказывается отчужденным от труда не только как опредмечивания, но и как

распредмечивания, поскольку потребление копий, изготовленных по образцам, не предполагают усилий, труда по распредмечиванию, оно предполагает осуществление буквально двух-трех стандартизированных технологий потребления. Для того чтобы успешно функционировать как потребитель, мне теперь не нужно ежедневно осуществлять труд по выстраиванию себя, встраиванию себя в мир, мир уже устроен под меня. Массовый человек - человек с атрофированным «органом» действия, атрофированной субъектностью. А вместе с «органом» действия человек теряет и «орган» всеобщего, метафизического, поскольку развести их можно лишь на бумаге, по сути своей это один и тот же орган субъектности.

Две основные идеологемы были выработаны, как мне кажется, как способы выхода из финансового мирового кризиса начала тридцатых годов. В обоих случаях мы имеем преобразования экономико-политического строя. В первом случае мы получаем доктрину социального государства (США, Великобритания и, с некоторыми оговорками, Франция), во втором - тоталитарное государство (Германия, СССР). Если же пойти чуть дальше и посмотреть на итоги первой мировой, то и здесь мы увидим тот же расклад: для выхода из войны и послевоенной ситуации ни США ни Англии ни Франции не понадобилась революция. Германия же и Россия не смогли выработать иного механизма преобразования, кроме революционного. И это напрямую связано с той философской или интеллектуальной ситуацией, в которой живут эти народы. За философской традицией и Германии и России стоит Гегель. Именно поэтому, именно на этой почве приживается марксизм в России, и ницшеанство в Германии. Почвой этой служит диалектический историзм, как установка на преобразование мира, и только исходя из этой установки, можно построить тоталитарное общество. С другой стороны, это можно связать с тем, что обе эти страны, несмотря на то, что находились по разные стороны баррикад в Первой мировой, оказались проигравшими.

Подобной установки мы не найдём во Франции Англии и США, наоборот - там находим жёсткую критику историзма как европоцентризма и учения претендующего на тотальность. Здесь играет другая сторона гегелевского учения - претензия на стабильность, своего рода некий а-историзм. То самое стремление сохранить status quo, которое описывает Ортега-и-Гассет. Установка на отказ от тотальности, на толерантность приводит к своего рода тотальной нетотальности. И она вырастает именно из социального государства образца США и Англии второй половины 30-ых годов.

Вот две основные идеологемы XX века - потребительская идентичность и политическая. При этом, однако, они серьезно различаются, политическая, как уже было описано выше, пытается подменить собой метафизику, потребленческая же - скорее пытается упразднить ее, вроде бы не вставая на ее место. И как мы помним идеологема потребления вроде бы в нашей стране победила.

Так что же стоит за теми симптомами, что мы наблюдаем сегодня? Это просто игра политических элит или реальный исторический процесс? Почему идеологема потребления перестала работать? Мы видим просто смену идеологемы с одной на другую или за этим стоит нечто более серьезное? Не может ли политическая идентичность, постоянно заигрывающая с вроде бы уже окончательно атрофированным органом «действия» действительно расшевелить его? Что за всем этим процессом стоит? Существенны ли эти явления и что за сущности через них являются? Каковы «действительные побудительные силы этого процесса»? И самое главное, есть ли они? Действительно ли наш «отпуск от истории» закончился?

Источники и литература

- 1) Мамардашвили М.К. *Формы и содержание мышления*. – Спб.: Азбука, Азбука-

Аттикус, 2011. – 288 с.

- 2) 16. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и посл. – И. Фомин. М.: Издательство “Логос”; 1998.– 208 с.